

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодняшний поток книг, антагонистичных по отношению к религиозной вере, в свое время станет занятным предметом какого-нибудь социологического анализа. В них упорно проводится такое представление о религии, которое (если к нему отнестись всерьез) попутно выбрасывает за борт целый ряд других мыслительных систем человечества, включая многое из того, что мы привычно воспринимаем как науку. Иными словами, религиозная вера трактуется в них едва ли не как одиночная аберрация в поле человеческого разума — как набор беспочвенных суеверий, громоздящихся над самоочевидным, суеверий, основанных — в лучшем случае — на слабых и ложных аргументах. Как правило, их авторы игнорируют суть того, что говорят и делают верующие, и в равной мере не замечают более широкой проблемы, заключающейся в том, как складываются и срабатывают мыслительные и мировоззренческие системы.

Мыслительные системы, если угодно, жизненные философии (хотя этот термин тут же обнаруживает свою архаичность), срабатывают, побуждая нас ставить явления в связные, а не в произвольные ряды. Это, однако, предполагает способность видеть те или иные вещи в категориях других вещей; отсюда следует, что нужно раз и навсегда покончить с мыслью, будто существует один-единственный основной и очевидный способ видеть мир, доступный любому глупцу (мир, который лишь стараниями неких людей оказывается перенасыщен досужими сложностями), и осознать, что способность видеть мир и быть в силах говорить о том, с чем мы в нем сталкиваемся, — искусство, которым надо овладеть, и набор навыков, позволяющих связывать воедино и видеть одно событие или явление сквозь призму другого. На уровне самой обычной практической деятельности это воплощается в основанных на наблюдениях обобщениях по части тех или иных законов; на другом, но отнюдь не менее важном уровне, это вводит нас в царство метафор. А любому, кто полагает, что первое и второе жестко разграничены, стоит напомнить, что и сам «закон» — не более чем метафора в рамках естественного процесса...

Метафора вездесуща, в частности в научном дискурсе (генетический код, компьютерное моделирование мозговых процессов, не говоря уже о великолепных допущениях, имеющих место в теоретической физике); и сама ее вездесущность, думается, должна вооружить нас против идеи, будто существует язык, идеальный и стопроцентно применимый к специфике той или иной сферы науки. Нам не остается ничего другого, как оперировать словами, имеющими собственную историю и круг ассоциаций; сама наша способность видеть вещи в масштабе чего-то большего, нежели их непосредственное окружение, означает, что мы постоянно прибегаем к языку, не вполне адекватному по отношению к среде, в которой эти вещи побуждают нас видеть в них то, что выходит за пределы непосредственно наблюдаемого.

Все это говорится к тому, что ни один способ принимать и воспринимать окружающий мир не может не опираться на воображение — способность видеть и самовыражаться в мире и вне его, отрицающего какую-либо конечную определенность по части того, как он может быть описан. Любое, даже предельно редуцирующее представление о реальности неизбежно тяготеет к метафоре, зиждется на словах, которые кто-то некогда выучил и которыми некогда уже пользовался. Таким образом, не представляет особого труда заключить, что карта, рисуемая интеллектуальный мир как поле битвы между враждующими картинами, удачно или неудачно найденными способами описания явлений, буквальной или более причудливой перспективой или даже естественным и сверхъестественным видением реальности, неадекватна и в конечном счете обречена на самоуничтожение, коль скоро речь идет о чем-то непостижимом. Как можно сдвинуть культурную дискуссию с мертвой точки, в которой религиозные перспективы мыслятся как плохие описания того, что может быть лучше описано в понятиях попроще?

Для этого придется исследовать суть того, что открывает ее адептам язык конкретной религиозной традиции — иными словами, понять, каковы его имагинативные ресурсы. Какими конкретными путями и способами формирует эта традиция восприятие верующих, когда они, находясь в обществе, сталкиваются (а это происходит постоянно, что бы на этот счет ни говорили критики веры) с политикой и искусством в формах, доступных и открытых для неверующих? Речь не идет — оставим это на долю поверхностных журналистских комментариев — об императивах, предположительно диктуемых их религией. Речь о том, в каких категориях верующие воспринимают

явления и людей, каковы метафоры, открывающие дальнейшие перспективы в мире, обитаемом ими наравне с неверующими.

Немаловажно, что этот перечень ресурсов — в любой религиозной традиции — хаотически разнообразен и отнюдь не являет собой набор из нескольких главных заповедей или доктрин. Он соединяет в себе видимое и слышимое: не только то, что говорится, но и то, что поется и демонстрируется. Он включает обряды инициации, ритуалы, оставляющие семантические следы в неожиданных местах. Формирование конфессионального воображения есть нечто, что продолжает являться более или менее повседневным образом существования верующих, и стоит признать, что это неизмеримо более сложный процесс, нежели однообразный догматизм, к которому так часто сводят то, что заботит прибегающих к религиозному языку людей.

Продемонстрировать этот процесс — значит раскрыть его значимость в деятельности конкретных людей; иными словами, попытаться выявить общее воображение в действии (а также в процессе дальнейшего совершенствования и развития) на примере исканий целого ряда творческих индивидуальностей. Учитывая, что нам угрожает опасность впасть в пагубное культурное неведение по части того, чем на деле является религиозная приверженность, в этих книгах содержится стремление показать, что «практическая» вера есть нечто несопоставимо большее, нежели следование абстрактным императивам или общепринятым обычаям. В этих книгах находит отражение взгляд на творческие индивидуальности, заслуженно претендующие на то, чтобы воплощать некоторые из наиболее крупных и новаторских течений в истории Запада (и не только), сфокусированный на путях, какие открывает их творческим исканиям христианское воображение. Решая эту задачу, данные книги бросают вызов тем, кого один великий мыслитель назвал «культурными ниспровергателями» христианской веры. В самом деле: ниспровергая эту веру, может ли интеллектуально состоятельный человек одновременно оставить за бортом те сдвиги, те духовные выси и ресурсы, какие она обеспечила индивидуальному и коллективному воображению? Каким, в конечном счете, стало бы человечество, случись ему убедить себя в том, что оно стряхнуло с себя наследие христианского воображения? Надежда авторов этих сочинений заключается в том, что ответ на этот вопрос будет в позитивном смысле тревожащим — в достаточной мере тревожащим для того, чтобы поднять на более высокий уровень дискуссию о вере и современной культуре.

Любому, кто предлагает книгу о Достоевском, может показаться уместным принести извинения за то, что существующую обширную библиотеку об этом писателе пополнит еще одна. Однако если хотя

бы некоторые из соображений, высказанных на последующих страницах (особенно те, что в наибольшей степени обязаны своим появлением Михаилу Бахтину), верны, то стоит признать, что на эту тему вряд ли может появиться совершенно поверхностная книга; порукой тому высказанное самим Достоевским убеждение, что высшая задача письма — в продолжении диалога. Итак, я не собираюсь извиняться; процесс написания этой книги стал для меня таким воодушевляющим стимулом и таким удовольствием, что было бы нечестно и неуместно приносить извинения за ее создание.

Напротив, я с неменьшим удовольствием выражаю глубочайшую благодарность тем, кто претворил в такое наслаждение процесс ее написания. Впервые заронил эту искру в мой мозг Стивен Прикетт, и, надеюсь, он не пожалеет об этом. Материал для нее собирался постепенно на протяжении двух лет, но Церковная Комиссия, согласившаяся с тем, что Архиепископу может быть предоставлен единовременный научный отпуск, дала мне возможность целиком посвятить себя письму летом 2007 года. Не будь такой возможности, завершение этой книги заняло бы гораздо большее время. Часть этого отпуска я провел в весьма воодушевляющей обстановке Джорджтаунского Университета, Президент которого Джон Де Джойа и члены Джорджтаунской общины иезуитов, прежде всего Ректор Резиденции Иезуитов Джон Лэнган, оказали мне очень благожелательный прием. В посвящении к этой книге аккумулирована моя признательность всем, кто столь любезно позволил мне провести в их общине несколько недель в июне 2007 года.

Отнюдь не являясь профессиональным исследователем русской литературы, я с благодарностью положился на советы и рекомендации многих друзей, указывавших источники и дававших материал для размышления. Я признателен им и прочим, кто долгие годы разделял, углублял и стимулировал мой интерес в этой области, даря или одалживая мне книги и статьи; особая моя благодарность Джону Арнольду, Дэнису Брэдли, Рут Коутс, Катрионе Келли, Робину Милнер-Галланду, Стюарту Сазерленду и Джонатану Саттону.

Полагая, что читатели этой книги вряд ли знакомы с русским языком, я, цитируя тексты Достоевского, не делал отсылок к академическому русскому собранию его сочинений (хотя и включил несколько ссылок на русскоязычные источники в библиографию). Возникла определенная проблема: дело в том, что «дефинитивного» перевода произведений Достоевского на английский не существует, и, соответственно, трудно сопоставить сильные и слабые стороны разных переводов, бытующих в читательском обиходе. Я предпочел адресовать читателей к самым широко известным переводам, ныне выпускаемым в серии «Пенгуин классикс», за исключением романа

The Adolescent («Подросток», его подчас переводили под названием A Raw Youth); применительно к последнему я воспользовался новым переводом, выполненным Ричардом Пивиром и Ларисой Волконской. Постраничные сноски к этим изданиям заключены в тексте в квадратные скобки. Изредка мне приходилось вносить изменения в публиковавшиеся переводы: в местах, где они меня не удовлетворяли или имели место неточности. Аналогичные трудности, учитывая разный подход переводчиков, возникали и с транслитерацией русских слов и собственных имен; в этих случаях я просто стремился дать сколько-нибудь удовлетворительный фонетический эквивалент.

*Роуэн Уильямс,
Кентербери, август 2007*